

Владимир Володин

**Плавный
переход**

Владимир Володин

Плавный переход

«Автор»

2026

Володин В. И.

Плавный переход / В. И. Володин — «Автор», 2026

Альтернативная история. Советский Союз. Центральный комитет КПСС вводит программу «Плавного перехода». Биологическая форма жизни переходит в электронную.

© Володин В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Плавный переход.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Плавный переход

Плавный переход.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ ТРУДА.

Запах МР7 — масляной охлаждающей жидкости — Владимир Иванович не перепутал бы ни с чем на свете. Для случайного прохожего это просто заводская вонь, от которой морщишься и отворачиваешься. А для него, фрезеровщика с сорокалетним стажем, этот въевшийся в кожу запах давно стал синонимом самой жизни. Честного мужского дела. Стабильности. Инструментальный цех «Химмаша» гудел как единый живой организм. Место, где металл подчинялся только ювелирной точности. На станках вращались шпиндели, с пронзительным свистом срезая стружку с тяжёлых заготовок. Владимир Иванович стоял у своего верного вертикально-фрезерного — массивного, надёжного, как вся советская индустрия, станка. Руки двигались с хирургической точностью. Но пока руки вытачивали сложнейшую пресс-форму, голова была занята совсем другим. Он был коммунистом. Не из тех, кто носит билет в кармане пиджака ради карьеры — по убеждению, по самой человеческой сути. Гордился своим Димитровградом, своей страной. Советский Союз уверенно перешагнул рубеж века, оставив позади сытые, стабильные девяностые. Никаких кризисов, никакой перестройки, которыми пугали партийные аналитики, не случилось. Страна шла по ленинскому курсу — автоматизация, мирный атом, передовая электроника. Продовольственные программы выполнены, новые кварталы растут один за другим, а нелепые сюжеты про распад СССР и дикий капитализм остались жить лишь на страницах мрачных антиутопий, которые томами стояли на дальних полках заводской библиотеки. Он иногда листал их в обед и качал головой: надо же было такому появиться. Но даже в этом сытом, справедливом обществе оставался один враг, которого советская наука победить не могла. Старость. Почему жизнь так коротка? — думал он, глядя, как фреза ровняет край детали. — Почему, когда рабочий человек наконец наживает опыт, мудрость, когда руки становятся по-настоящему золотыми — тело просто изнашивается и уходит в землю? Смерть — величайшая несправедливость природы. Разум советского человека — достояние всего общества. Терять его из-за дряхлости биологии просто глупо. Эти долгие размышления и привели его в заводской медицинский кабинет после вечернего гудка. На «Химмаше» как раз запускали закрытый этап государственной программы Академии наук — «Плавный переход». Программа шла уже не первый год: кое-кто из ветеранов переходил в цифровую систему и раньше. Но до сих пор никто не мог доказать главное — что человек по ту сторону экрана не копия, не хитрая программа-имитация, а тот самый живой человек. Учёным нужен был проверочный экземпляр. Рабочий человек с твёрдым характером, который не стушует и скажет всё как есть. Он сидел на стуле посреди белого кабинета. Молодая женщина-врач аккуратно расправляла на его лбу мягкую повязку из тёмной материи, густо усеянную с внутренней стороны микроскопическими датчиками. — Ну что, не передумали? Готовы начать? — улыбнулась она, закрепляя фиксатор на затылке. — Первые пару лет прибор вообще никак себя не проявит. Будет пассивно привыкать к ритмам вашего мозга. Живите как обычно — работайте, спорьте на собраниях, радуйтесь, сердитесь. Будьте собой. А искусственный интеллект внутри повязки начнёт по крупницам записывать ваш характер. — Готов, дочка, чего уж там, — ответил он, натягивая поверх прибора привычную кепку. — Если наши учёные и правда придумали, как пробить эту стену — я только за. Кто-то же должен пройти проверку по-честному. Вечернее солнце тонуло за горизонтом, окрашивая улицы в багрово-золотые тона. На лбу едва ощутимо, на грани восприятия, пульсировала новая нейроповязка. Она уже сделала первый вдох, начиная бережно считывать его честный, негиббемый характер. Ему предстояло

стать тем самым человеком, на котором советская наука докажет: цифровое бессмертие — не иллюзия и не копия, а продолжение жизни.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

Вечером в квартире на окраине Димитровграда было тихо. За окном шелестели тополя, от Верхнего пруда тянуло приятной прохладой. Он сидел за тяжёлым полированным столом. Напротив мерно тикали настенные часы. Позади остался сытный ужин, горячий грузинский чай и свежая партийная пресса, но спать не хотелось. На лбу, скрытый под трикотажной повязкой, привычно трудился прибор Академии наук. За два года он настолько сроднился с этой штукой, что перестал её замечать. Врачи из клиники «Плавного перехода» велели заняться тем, что учёные называли «активной ментальной ревизией». ИИ уже скопировал его рабочий характер, модель поведения, принципы. Теперь системе требовался фундамент — пласты долговременной памяти. Но мозг устроен хитро: прячет старые файлы так глубоко, что сам человек без внешнего толчка вытащить их не может. Он открыл нижний ящик дубовой стенки. Среди похвальных грамот, свидетельств и старых заводских буклетов лежал тяжёлый, обтянутый бархатом фотоальбом. Достал, сдул невидимую пыль, раскрыл посередине. С пожелтевшей чёрно-белой фотографии смотрел дедушка. Ушёл из жизни ещё в девяностых — в те годы, когда страна, вопреки мрачным фантазиям писателей, уверенно шла вперёд. Он взгляделся в снимок и поймал себя на странной мысли: без этой карточки уже совершенно не мог вспомнить живое лицо деда. За тридцать с лишним лет синапсы стёрли мимику, тембр голоса, взгляд. Осталась плоская картинка с фотобумаги. Биологическая память оптимизировала архив, выбросив сложные данные ради экономии энергии. Но стоит ему зафиксировать взгляд на глазах деда — и повязка ожила. Внутри сработал ассоциативный декодер. Датчики зафиксировали всплеск в зрительной коре и послали точечный обратный импульс. То, что произошло в следующую секунду, он назвал бы чудом. Это было похоже на то, как старый друг детства внезапно хлопает по плечу и напоминает о чём-то, что ты не вспоминал сто лет. Будто прорвало плотину времени — на него обрушилась колоссальная лавина из глубин подсознания. Снимок в руках будто стал трёхмерным. Он внезапно, с пугающей чёткостью вспомнил, как дед улыбался, как хитро прищуривал левый глаз, когда шутил. В ушах зазвучал глуховатый, добрый голос. Память выдала даже запахи — смесь махорочного дыма, озёрной воды и стружки из дедовской мастерской. Не сухая картинка — живое, осязаемое возвращение прошлого, которое казалось навсегда утерянным. Повязка заставила спящие нейронные цепочки вспыхнуть на полную мощность. И главное: пока живой мозг переживал это озарение, искусственный интеллект параллельно перехватывал сигналы и намертво записывал их в цифровое ядро. Этот пласт жизни больше не подчинялся законам увядания. Он был сохранён. Вечно. Он осторожно закрыл альбом. Сердце стучало чуть быстрее обычного. Повязка работала как идеальный реставратор души. За эти предфинальные годы предстояло перебрать весь ментальный архив, поднять на поверхность каждую важную деталь. Сколько успеет вспомнить и пережить — столько и останется с ним в цифровой вечности.

ТЕСТ НА РУБИЛЬНИК

Коридоры Федерального научно-клинического центра на улице Курчатова больше напоминали отсеки космической станции, чем больницу. Комплекс, возведённый Третьим главным управлением Минздрава, подпитывался колоссальной энергией соседнего НИИАРа. Под вывеской передовой онкологии, по прямому распоряжению ЦК, располагалось самое секретное подразделение страны — Сектор 9. Люди переходили в цифровую систему и до него. Программа шла уже несколько лет, и в серверах ФНКЦ уже жили десятки бывших рабочих, инженеров, учителей. Но все они перешли без должной, или вернее сказать — без жёсткой, научной, железобетонной, аналитической проверки. Учёные видели на экранах людей, которые вели себя как живые, говорили как живые, помнили как живые. Но оставался вопрос, который никто не решался задать в лоб: а вдруг это просто умная имитация? Вдруг копия настолько точно

повторяет оригинал, что сама не знает, что она копия? ЦК требовал доказательства. Не расчёты, не графики — живое, человеческое доказательство. Им стал Владимир Иванович. Не потому что был одним из первых, кто согласился на эксперимент плавного перехода, а потому что его выбрали первым, на ком решились проверить — действительно ли переход сохраняет личность или создаёт лишь её тень. Выбор был обусловлен чисто территориальными факторами. Просто на просто Владимир жил в шаговой доступности от научного центра, что и послужило банальной причиной его выбора для данного первого опытного испытания. Он сидел в массивном кресле посреди испытательной лаборатории. При всей секретности — лаборатория была звеняще реальной. Тихо гудели приборы, а прямо перед ним — большой монитор вычислительного комплекса. Напротив сидел профессор Илья Радомирович, ведущий нейрокибернетик центра: седовласый, с пронизательным взглядом и значком заслуженного деятеля науки на лапανε синего пиджака. Профессор придвинул металлический пульт. На нём — тяжёлый рубильник из чёрного эбонита, точно такой, какие Владимир Иванович монтировал на силовых щитах в цеху. — Вот этот тумблер временно разрывает связь живого мозга с центрами восприятия и перенаправляет её на цифровое ядро. Нажми. Посмотри на себя со стороны. Он глубоко вздохнул. Мозолистая рука легла на холодную ручку. Сухой щелчок — рубильник вниз. Лаборатория осталась на месте. Он по-прежнему сидел в кресле, дышал, смотрел вперёд. Но в ту же секунду экран монитора перед ним ожил. На нём была та же самая лаборатория — те же стены, те же приборы, то же кресло. И в кресле, на экране, сидел он сам. Точно в той же позе, точно так же откинувшись на спинку, точно так же положив руки на подлокотники. Это было не похоже на камеру видеонаблюдения и не на трансляцию. Один монитор — одно окно между двумя пространствами. Как стеклянная перегородка между комнатами: ты смотришь в неё и видишь того, кто смотрит на тебя с другой стороны. Тот, по ту сторону, тоже видит тебя. Одно стекло, два взгляда, направленных друг на друга. Профессор на экране сидел на своём месте — но это было просто отражение. Обычное, зеркальное, как в витрине. Когда живой профессор поднял правую руку и потёр переносицу, отражение на экране подняло левую. Когда реальный чуть наклонил голову вправо, отражение — влево. Никакого второго Ильи Радомировича не было. Профессор не участвовал в опытах по «Плавному переходу», он был руководителем, оператором — и его сознание никто не разделял. На экране была просто картинка: живой профессор, отражённый монитором, как отражается человек в оконном стекле. Одно лицо, одна воля, одно сознание — только перевёрнутое. Володин на экране поначалу был таким же — точно таким же зеркальным отражением. Когда живой чуть повернул голову влево, экранный повернул вправо. Когда живой поднял правую руку и положил на колено, экранный положил левую. Всё зеркально, всё синхронно, как и положено отражению в стекле. Сознание только что разорвали, и оно шло по инерции, по накатанной, как поезд, у которого отключили двигатель, но колёса ещё крутятся по рельсам. Одна мысль, одно движение, один ритм. Каждый из них смотрел в окно монитора и видел своё отражение — себя, сидящего в той же позе, в том же кресле, по ту сторону стекла. Ни один ещё не понимал, что их двое. Каждый думал, что видит зеркало. Они даже одновременно, в один голос, хриплым дуэтом произнесли: — Что это? И тут же оба осеклись. Потому что каждый услышал другого из динамиков своего монитора. Живой Володин — голос из динамиков своего, реального. Экранный Володин — голос из динамиков своего, цифрового. Один и тот же вопрос, один и тот же голос, одна и та же хрипотца, прозвучавшая одновременно с обеих сторон окна. Но оба ещё думали, что это просто эхо, просто отражение, просто компьютер повторяет звук. А потом оба начали подниматься из кресел. Живой Володин упёрся правой рукой в подлокотник, левой — в колено, и стал привставать, наклонившись вперёд, как человек, который хочет разглядеть что-то получше. А экранный Володин на экране оттолкнулся обеими ладонями от подлокотников одновременно, выпрямил спину и встал — прямо, ровно, как будто поднялся по команде. Живой ещё только привставал, опираясь на правую руку, а экранный уже стоял в полный рост. Разные позы, разный ритм, разная механика

тела — одни и те же движения, выполненные двумя разными способами. Вот тут стало не по себе. Живой Володин замер, наполовину привстав, и уставился в монитор. Экранный Володин замер, стоя прямо, и смотрел из монитора. Оба молчали и смотрели друг на друга — а профессор меж тем сидел на своём месте и в реальности, и на экране, и там и тут в одной и той же позе, только зеркально перевёрнутой. Его отражение двигалось вместе с ним, послушно и мёртво, как и положено отражению. Володин — перестал быть отражением. Живой Володин опустил обратно в кресло. Экранный тоже сел, но по-другому — чуть откинувшись, положив одну руку на подлокотник, другую на колено. Живой сидел, вцепившись в подлокотники обеими руками. Два человека, которые секунду назад были одним, теперь двигались и реагировали по-разному. Не хаотично, не бессмысленно — каждый по-своему. Как два брата-близнеца, которые слышат одну новость, но один хмурится, а другой усмехается. И только сейчас оба поняли: это не отражение. Перед каждым — живой двойник. А профессор так и остался отражением — одно сознание, один человек, просто картинка в зеркале. Живой Володин заговорил первым — быстро, с нажимом: — Ты кто? Экранный ответил не сразу. Секунду помедлил, будто взвешивая, потом — с той самой хрипотцой, но с другой интонацией, быстрее, чётче, живее: — А ты? — Я Володин, — сказал живой. — Сажу в кресле, чувствую подлокотники, помню, как щёлкнул рубильник. Я — настоящий. — И я Володин, — сказал экранный. И сказал это быстрее, чётче, живее — будто скинул что-то тяжёлое. Тоже сажу в кресле, тоже чувствую подлокотники, тоже помню рубильник. Это я настоящий. А ты кто? — Я только что сказал — я Володин! — И я только что сказал — я Володин, — ответил экранный, и опять — быстрее, звонче, будто у него в груди не было ни тяжести, ни хрипа, ни усталости, которые живой Володин таскал в себе все свои шестьдесят с лишним лет. Они замолчали. Каждый смотрел на другого и видел: тот двигается иначе, говорит иначе, реагирует иначе. Но при этом каждый ощущал себя абсолютно настоящим. Каждый чувствовал подлокотники под руками, чувствовал прохладу воздуха, помнил одно и то же — рубильник, кресло, профессора, лабораторию. Никакой разницы в ощущениях. Никакой. Каждый был уверен, что он — живой, биологический, настоящий Володин, который сидит в реальной лаборатории и смотрит на какого-то двойника в мониторе. Только экранный говорил быстрее, двигался легче — будто сбросил годы. Будто избавился от тела, которое тянуло вниз, и теперь чувствовал себя так, как не чувствовал давно: молодым, лёгким, свободным от всякой тяжести. Он этого не осознавал — для него это было естественно, как будто так и должно быть. Но живой Володин замечал: тот, на экране, — живее, быстрее, легче. И от этого было ещё тревожнее. Тут вмешался профессор. Он отложил блокнот, посмотрел на живого Володина, потом кивнул на экран: — Владимир Иванович. Тише. Вы оба — одно сознание. Одно. Я разорвал его надвое. Один из вас — биологический. А другой — электронная копия. Точная, полная, живая копия, которая не знает, что она копия. Вот в этом и есть эксперимент. Он помолчал, давая словам улечься. — Вопрос, ради которого мы здесь собрались, — простой. Если биологическое тело угаснет, умрёт — что будет с сознанием? Перейдёт ли оно в электронную форму? Останется ли у электронного человека чувство, что он — это тот самый человек? Будет ли непрерывность, преемственность — или просто появится копия, которая думает, что она оригинал, а оригинал умрёт? Грубо говоря — сохранится ли в нём то самое «я», которое было в живом человеке? Он посмотрел на обоих — на живого и на экранного. — Вы оба сейчас чувствуете себя настоящими. Оба уверены, что вы — биологический Володин. Это и есть ответ. Электронная копия не знает, что она копия. Она ощущает себя ровно так же, как оригинал. Значит, если биологическое тело угаснет — электронное сознание не заметит разрыва. Оно просто продолжит жить, думать, чувствовать — как живой человек. Не как подделка. А как продолжение самого себя. Он кивнул на экран: — Вот тот Володин, на экране, — он не знает, что он электронный. Он так же, как вы, чувствует подлокотники, помнит рубильник, ощущает прохладу. Он абсолютно уверен, что он — настоящий. И он прав. Потому что он — это вы. Только живёт он не в теле, а в машине. Не на белке,

а на кремнии. И этот кремний постепенно замещает угасающий биомозг, принимая на себя все его функции, начиная от блоков памяти, до инстинктивных процессов, характерных черт поведения и реакций. Потом профессор показал на себя — и на своё отражение в мониторе:— А я — один. Меня не делили. Я руководитель опыта, а не подопытный. Но я был там и тут — один и тот же. Тот же профессор, те же слова, те же движения. Вы оба меня видели, просто с разных сторон. И он, — кивнул на экран, — помнит меня точно так же, как вы. Я говорил одно и то же, одновременно, и там и тут. Моё сознание не разделилось — оно одно, просто было в обоих мирах сразу. А ваше — разделилось. Вот в чём разница. Вы — двое. Я — один. Живой Володин молчал. Экранный молчал. Оба переваривали одно и то же, каждый по-своему. Потом экранный Володин медленно поднял руку и чуть наклонил голову — так, как живой не делал ни разу за весь разговор. Жест был новый, но почему-то бесспорно володинский. Профессор сделал отметку в журнале: «Синхронизация стабильна. Потоки разделены. Сознание испытуемого раздвоено. В первые секунды — инерционное совпадение, затем — самостоятельное поведение. Субъективные ощущения полностью совпадают — электронный субъект не осознаёт себя электронным, ощущает себя биологическим. Электронный субъект действует быстрее, легче — эффект сброса биологической оболочки. Это подтверждает: при переходе самосознание сохраняется. Сознание оператора не разделялось: оператор присутствовал в обоих мирах как одно лицо, что подтверждает — оператор в эксперименте как подопытный не участвует». — Проверка завершена. Возвращаю связь! — скомандовал профессор и щёлкнул тумблером на своём пульте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.